

Ю, Д. Амчабадзе

ТРАДИЦИОННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ АБХАЗСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Вся человеческая жизнь состоит из двух на первый взгляд прямо противоположных по своему характеру действий — труда и отдыха, что дает возможность различать две сферы бытия: производственную и непроизводственную. Разнообразные формы развлечений, будучи важным элементом досуга, входят в непроизводственную сферу. Однако в таком определении содержится некоторая доля условности, тем более когда речь идет о крестьянском быте докапиталистических формаций. На это обратила внимание Н. А. Миненко. «Особенности сельского производства при феодализме, — пишет она, — приводили к тому, что... досуг не был полностью разграничен с трудовыми занятиями»¹. Зачастую труд и отдых переплетались, скрещивались, образуя неразрывное единство. В одном случае в трудовую деятельность вкрапливались минуты отдыха и веселья, в другом — трудовые в своей основе действия превращались в развлечения, забаву. Таким образом, грань между досугом и трудом нередко была довольно зыбкой, одно могло легко переходить в другое. Поэтому подчас бывает очень сложно однозначно охарактеризовать с интересующей нас стороны то или иное явление крестьянского быта.

Не следует забывать еще об одном важном моменте — о тесной связи развлечений с обрядовой жизнью дореволюционного крестьянства. Отдельные чисто светские по форме развлечения порой были соединены с действиями ритуального характера. Например, абхазы по завершении религиозных церемоний, как правило, сразу переходили к развлечениям: песням, танцам, играм. Последние в этом случае не относились к предшествующему им ритуалу и выступали, так сказать, в своей основной роли. Но иногда песни, танцы, игры, т. е. светские по форме развлечения, были составной и непременной частью религиозного обряда. Учитывая это, исследуемый в статье материал мы разделили на две группы: 1) развлечения внеобрядовой сферы и 2) развлечения обрядовой сферы, в том числе связанные с семейной обрядностью и общественными праздниками.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение традиционных абхазских развлечений и их функций в соответствии с предлагаемой классификацией. Ряд вопросов изучаемой проблемы (например, половозрастной состав участников развлечений) в статье не затрагивается.

Развлечения внеобрядовой сферы. В дореволюционном быту абхазских крестьян их было сравнительно много. Одной из самых распространенных форм коллективного проведения досуга были народные гуляния,

¹ Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. — Сов. этнография, 1979, № 6, с. 31.

устраиавшиеся по воскресеньям. Работать в этот день не полагалось. Поэтому с утра жители устремлялись на большую поляну, где обычно соби́рался сельский сход, чтобы участвовать в совместных развлечениях. Воскресные гуляния пользовались особой популярностью среди крестьян, так как практически жители абхазского села могли увидеться с большинством своих односельчан только в этот день. Последнее объяснялось особенностями планировки абхазских сел, отдельные усадьбы которых отстояли одна от другой более чем на полверсты, а все село нередко тянулось на 10—12 верст². Понятно, что при такой разбросанности села не могло быть и ежедневных сборных мест для односельчан мужчин (наподобие нихаса в Осетии, годекана в Дагестане).

Из традиционных развлечений, устраиавшихся на воскресных гуляниях, главными были разнообразные конные состязания. Каждый мужчина хотел заслужить славу отличного наездника, так как в народное понятие мужской доблести непременно входило требование мастерского владения искусством верховой езды. Абхазов приучали к ней с раннего детства, и зачастую лихими наездниками выступали маленькие мальчики. «На легких горячих коней сажают детей от 8—10 лет,— отмечали бытописатели начала XX в.— Страшно бывает смотреть, когда такой малыш, еле заметный от земли, сидит на несущемся молнией скакуне, который развивает такую быстроту, что буквально ноги отделяются от земли, и летит, подбадриваемый дерзким пронзительным гиканьем ребенка-жокея»³.

Помимо детских, проводились также конные состязания мужчин. Одним из наиболее интересных и сложных номеров таких состязаний было преодоление препятствий, которыми служили естественные или специально вырытые каналы, заборы, изгороди и т. д. Кроме того, наиболее искусные наездники соревновались в прыжках через двух поставленных в одну линию коней. Выполнялись также различные номера джигитовки: на полном скаку всадник, спрыгивая с коня, догонял его и снова садился, не замедляя скачки. Устраивалась и «борьба коней»: два всадника становились друг против друга, поднимали коней на дыбы и ловким маневром старались опрокинуть противника. Участники состязаний демонстрировали и свое умение управлять конем. Например, на полном скаку коня останавливали, после чего тот эффектно скользил на четырех ногах, оставляя ими сплошной след наподобие санного⁴.

В начале XX в. у мужской части сельского населения Абхазии стали популярны скачки, проводившиеся по воскресеньям в Сухуми. К этому дню обычно готовились заранее, так как выиграть там заезд считалось большой честью. Тот, кто сам не участвовал в соревнованиях, отправлялся в город, чтобы быть свидетелем интересного зрелища и увидеть триумф своего родственника или односельчанина. Поэтому на скачки приезжали целыми группами из разных областей Абхазии. Газета «Сухумский вестник» в одном из номеров сообщала: «В воскресенье, 26 мая, на городской площади... столпилась огромная толпа народа. Сюда явились, чтобы посмотреть на них (скачки. — Ю. А.) или же принять в них непосредственное участие, со всей Абхазии князья, дворяне и крестьяне. Еще за несколько дней до скачек начали они стекаться в Сухум со всех уголков Абхазии, представляя собой любопытное зрелище. В город въезжали многочисленные группы всадников, по 40—50 и более чело-

² Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии.— Живая старина, 1893, вып. III, с. 308; Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г.— Материалы по этнографии России. Т. I. СПб., 1910, с. 71.

³ Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923, с. 22.

⁴ Басария С. П. Указ. раб., с. 69; Бахания О. Абхазские народные игры. Сухуми: Абгосиздат, 1959, с. 30, 31; Патейна Н. С. Моление Лейбовых.— Избранное. Сухуми: Алашара, 1978, с. 22.

век в каждой... Всадники распевают национальные песни, причем песни эти сопровождаются гиканьем и пронзительными криками. Каждая такая группа представляет какую-нибудь местность, которая и торжествует славу в том случае, если скакун из этой местности берет приз. Так, например, принимали участие в скачках гудаутцы, кодорцы и пр.»⁵.

Большое место в воскресных гуляниях занимали и такие спортивные состязания, как борьба, поднятие тяжестей, игра в мяч и т. д. Очень популярной была стрельба в цель. Мишенью для стрельбы обычно служил какой-нибудь предмет, который устанавливали на высоком столбе. В качестве мишени использовали также тарелки, подбрасываемые в воздух, а во время пасхи — крашеные яйца, в которые стреляли с расстояния 100 шагов. Попадавшие в цель получали приз⁶. Не менее популярным видом спортивных состязаний была борьба. Боровшиеся обхватывали друг друга за пояс, стараясь свалить противника на землю. Соревновались и в метании камней, которые бросали до установленной черты, в поднятии тяжестей. Молодежь увлекалась прыжками через барьеры; иногда прыгали через две бурки, разостланные на ровном месте, через канавы, овраги, неширокие речки. Распространены были и различные игры в мяч

Воскресное гуляние никогда не обходилось без песен и танцев. «Абхазская девушка любит развлечения, — отмечали современники, — и она не пропустит ни одного воскресения, чтобы не пойти на поляну, где собираются молодые люди обоего пола, без различия состояния. Здесь царит полное веселье, звучный беззаботный смех оглашает окрестность. Здесь происходят игра в мяч, танцы, пение... Здесь начинаются хоровое пение и пляски, а также разговор в стихотворной форме, причем все присутствующие делятся на две партии и каждая из них старается перешеголять другую в остроумии и находчивости»⁸. Впрочем, песни и танцы были характерны для самых разнообразных сторон абхазского быта. Это отмечали многие, в частности, известный собиратель абхазского фольклора К. В. Ковач. «Развлекая гостя, они (абхазы.— Ю. А.) поют и танцуют, — писал он, — развлекаясь сами (дома, в перерывах полевых работ, во время отдыха в пути в горы и т. п.), — поют и танцуют; на свадьбах — поют и танцуют... во время устраиваемых народных скачек, перед началом их — поют и танцуют и т. д.»⁹.

Воскресные развлечения не были единственной формой проведения досуга, принятой в абхазской сельской общине. И в будние дни жители отдельных поселков, из которых состояла община, могли совместно проводить досуг. Часто соседи, собравшись после трудового дня на излюбленном месте (обычно красивой поляне с высокими деревьями), вели беседы¹⁰. Нередко жители одного поселка собирались для отдыха и трапезы по поводу какого-либо события в их жизни. Так, ежегодно устраивалось веселое пиршество в честь окончания полевых работ: совместно готовили угощение (мясо, абысту)¹¹, приносили вино, фрукты¹².

Элементы отдыха и развлечений имелись и в повседневной хозяйственной жизни абхазского крестьянина. По обычаю взаимопомощи для

⁵ Корреспонденция.— Сухумский вестник, 1913, № 173.

⁶ [Введенский А.] Религиозные верования абхазцев.— Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871, вып. 5, с. 25; Бахания О. Указ. раб., с. 35.

⁷ Чернышев К.— Еще об Абхазии.— Кавказ, 1854, № 83; Аджинджал И. А. Обычаны в дореволюционной Абхазии.— Архив Абхазского н.-и. ин-та языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (далее Архив АИЯЛИ), ф. И. А. Аджинджала, л. 104, 304.

⁸ В. Ч. Абхазская женщина.— Кавказ, 1885, № 62.

⁹ Ковач К. Песни кодорских абхазцев. [Сухум], 1930, с. 34.

¹⁰ Ковалевский П. И. Кавказ. Т. I. СПб., 1914, с. 32.

¹¹ Абыста — круто сваренная из кукурузной или просяной муки каша, часто заменявшая хлеб.

¹² Полевые записи автора, 1978 г., л. 3, 5—7 (Архив Ин-та этнографии АН СССР).

выполнения срочных земледельческих или иных работ организовывался *кярз* (помочи), в котором участвовали общинники-мужчины. По завершении *кярза* человек, по чьему приглашению работали односельчане, устраивал угощение, проходившее всегда в веселой обстановке — с песнями, плясками, шутками. Надо сказать, что и в процессе самого труда участники *кярза* находили время развлечься и немного отдохнуть. Каждый вид работы сопровождался определенной песней. Так во время полевых работ исполнялась «песня пахоты» — «арашвара ашва»¹³. В перерыве устраивались состязания в беге и стрельбе. Для угощения работавших хозяин обычно резал барана, шкура которого отдавалась победителю состязаний. Закончив работу в одном хозяйстве общины, участники *кярза*, прежде чем начать такую же работу в другом, разыгрывали с хозяином дома шуточную борьбу: валили его на землю, бросали в воду, купались в реке сами и т. п.¹⁴ Так трудовая по своему характеру деятельность незаметно переходила в сферу развлечений.

Организовывались также женские *кярзы*, в которых, как и в мужских, тесно переплетались труд и развлечения. Одним из самых распространенных видов женской взаимопомощи было чесание шерсти. Как правило, соседки охотно откликались на приглашение собраться для такой работы в чьем-нибудь доме. Во время *кярза* было много разговоров, шуток, веселья, а по окончании работы хозяйка устраивала своим помощницам хорошее угощение¹⁵.

Такое соединение труда и развлечений было характерно для самых разных сторон повседневного быта абхазов. Часто женщины и девушки сообща ходили в лес за ягодами, дикорастущими плодами, травами, которые широко использовались в питании местного населения. Многие из них употреблялись также в народной медицине. В лесу женщины и девушки, выполняя нужное и полезное дело, отдыхали, веселились, пели, т. е. и здесь, как мы видим, трудовая деятельность незаметно переходила в сферу досуга. Можно привести и другие примеры. Когда лошадей гнали с пастбища домой или водили на водопой, то мальчишки-подростки, на которых обычно лежала эта обязанность, «с большим удовольствием садились на лошадей, устраивая по дороге на каждом лугу скачки, джигитовки, конные поединки и прочее, подражая старшим»¹⁶. Пастухи, пасшие стада на горных пастбищах, в свободное от основных хозяйственных занятий время, по вечерам, занимались изготовлением деревянной утвари — кружек, ложек, лопаток для раскладывания абысты и т. п. Сидя у костра с работой, они рассказывали друг другу различные истории, играли на *ачарпыне*¹⁷, пели старинные песни¹⁸.

Приезд гостя в село также сулил жителям несколько часов отдыха и развлечений. Ближайшие соседи обязаны были зайти в дом, в котором принимали приезжего человека. Если не нужна была помощь в приготовлении угощения, то соседи старались не упустить приятной возможности развлечься с гостем беседой, слушая его рассказы и поведствуя о собственных делах. Если же гость был человеком высокого звания, пользовался всеобщим уважением и почетом, то для участия в церемонии его приема собиралось особенно много людей. В таких случаях в дом приглашали и «молодежь: юношей, умевших петь, танцевать,

¹³ Ковач К. Указ. раб., с. 15.

¹⁴ *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми: Алашара, 1965. с. 399. 400.

¹⁶ Полевые записи автора, 1978 г., л. 8, 9, 12.

¹⁶ *Аджинджал И. А.* Указ. раб., л. 17.

¹⁷ Ачарпын — музыкальный инструмент типа свирели, сделанный из травы ачарпын. На нем играли пастухи на горных пастбищах.

¹⁸ Ковач К. Указ. раб., с. 27.

девиц-соседок, игравших на музыкальных инструментах»¹⁹. Таким образом, церемония приема гостя выливалась в приятное времяпрепровождение, насыщенное различными развлечениями.

Развлечения обрядовой сферы. В абхазском быту конца XIX — начала XX в. эти развлечения также занимали большое место. Надо сказать, что в основе некоторых из них лежат древние религиозные обряды, ритуалы, различные магические приемы. Утратив с течением времени свое прежнее содержание и значительно изменившись по форме исполнения, эти обряды, ритуалы, приемы постепенно превратились в развлечения, носящие порой характер веселой игры.

Множество развлечений было в семейной обрядности, например в свадебных церемониях. Свадьбы вообще играли значительную роль в общественной жизни Абхазии. По традиции они всегда были многолюдными. На них присутствовали не только соседи жениха и его односельчане, но и гости, съезжавшиеся из ближайших и дальних селений. На свадьбах происходили встречи, обмен новостями, завязывались новые знакомства. Активными участниками всех свадебных торжеств были молодые люди обоего пола. По обычаю жених в сопровождении своих друзей-сверстников несколько раз до свадьбы приезжал в дом невесты, где происходили «смотрины», причем каждый раз по случаю его приезда созывались гости, устраивалось угощение. У невесты собирались ее незамужние родственницы и соседки, приглашенные по случаю «смотрин». После застолья жених в сопровождении друзей входил в комнату невесты, которая не принимала участия в угощении и не выходила к гостям. Здесь происходила шуточная игра: девушки, окружавшие невесту, не подпускали к ней жениха и расступались лишь по требованию дружки. После этого начинались танцы и веселье.

В день свадьбы, после отъезда невесты из родительского дома, сопровождавший ее конный свадебный поезд на всем пути следования по территории данной общины подвергался шуточным нападениям. Местная молодежь изо всех сил старалась задержать продвижение свадебного поезда. Односельчане невесты считали своим долгом свалить на землю хотя бы по одному разущсю свиту и даже отца жениха, заставляя побежденных танцевать без музыки под свист и хохот победителей. Лишь когда поезжане пересекали границу общины, молодежь поворачивала назад. Направляясь к селу жениха, участники свадебного поезда распевали специальную песню «Уаридада», оглашая окрестности выстрелами из ружей и пистолетов²⁰.

Во время свадьбы молодежь принимала активное участие во всех увеселениях: в плясках, джигитовке, различных спортивных состязаниях. Свадебными развлечениями молодежи были также разнообразные действия, в прошлом носившие ритуальный характер. Так, юноши подстерегали жениха в тот момент, когда он прокрадывался в амхару — помещение, где находилась невеста. Если его удавалось настичь, то поднимался шум, раздавались выстрелы, песни, крики. Иногда молодежь, устроив около амхары засаду, пропускала жениха к невесте, но через некоторое время внутрь помещения начинала забрасывать принесенных заранее котят, цыплят, лить воду и т. п.²¹

Некоторые развлечения связаны и с родильной обрядностью. Через несколько дней после рождения ребенка его родители предоставляли двор своего дома в распоряжение юношей и девушек, стекавшихся сюда со всего села. Этот день был посвящен веселью: молодежь качалась на

¹⁹ *Аджинджал И. А.* Гостеприимство в Абхазии.— Архив АИЯЛИ, ф. И. А. Аджинджала, л. 22 об.

²⁰ *Джанашиа Н. С.* Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1960, с. 98; *Ковач К. В.* 101 абхазская народная песня (этнографическая запись с историческими справками). [Сухум], 1929, с. 24; *Патейна Н. С.* Свадьба в Абхазии.—Избранное, с. 13.

²¹ *Аджинджал И. А.* Обычаи в дореволюционной Абхазии, л. 98.

качелях, устраивала танцы, игры и другие развлечения. На 14—15-й день в этом же доме совершался обряд *агылахьа*. Это был настоящий женский праздник. За 2—3 дня до него свекровь роженицы или одна из ее родственниц обходила всех женщин своего поселка и приглашала их на праздник. Мужчины и девушки на агылахьа не допускались. Для гостей готовилось угощение: резали барана или козла, кур, пекли пироги с сыром. После общей молитвы, которой руководила всеми уважаемая старшая женщина, принимались за трапезу, проводя время в разговорах и веселье²².

Наиболее многолюдными были в абхазском дореволюционном быту похороны и поминки. По традиции непременной частью обрядов похоронного цикла являлись скачки, т. е. действия, характерные, как мы видели, для сферы досуга.

В день похорон устраивались скачки под названием *атарчей*. На коня покойного надевали черную попону, набрасывали черное покрывало, «навешивали» кинжал, ружье и пояс, принадлежавшие покойному. Затем на коня вскакивал один из лихих наездников и пускался вскачь. Остальные участники скачек бросались за ним вдогонку, пытаясь порвать покрывало в клочья. Примерно такой же ритуал выполнялся во время поминок. Один из наездников брал в руки какой-нибудь предмет: кiset, вышитый платок, полотенце, кусок красного ситца — и стремительно несся вперед. Догонявшие должны были отобрать у него этот предмет. Существовал и другой вид поминальных скачек. Группа наездников трижды объезжала могилу покойного, а затем начинались гонки на 5—10 км. Победителя родственники умершего награждали подарками. Обычно скачки продолжались до вечера, и все односельчане, в том числе девушки и молодые женщины, наблюдали за этим интересным зрелищем. Помимо разнообразных скачек, во время годовых поминок устраивались стрельба в цель и «борьба коней»²³.

В своеобразную форму развлечений превратились и некоторые бытовавшие в прошлом приемы лечебной магии. Так, у многих народов Кавказа практиковались бдения у постели тяжело больного или раненого человека²⁴. Основной их смысл, по народным представлениям, заключался в том, чтобы не дать больному уснуть, так как во время сна им могли завладеть злые духи. Такие посещения под названием *ачапшара* были известны и у абхазов. По словам М. Джанашвили, «к больному обыкновенно приходят по вечерам и проводят около него целую ночь; поют, пляшут или рассказывают сказки, отпускают остроты и пр. с целью как-нибудь развеселить больного и так или иначе облегчить его страдания»²⁵. Иногда у постели больного разыгрывались настоящие драматические сценки. Присутствующие по очереди начинали копировать манеру поведения, разговора, характерные жесты какого-либо всем известного лица. Умелое подражание всегда вызывало веселье и смех. Участниками ачапшара могли быть как мужчины, так и женщины; особенно много на них собиралось молодежи²⁶.

²² Державин Н. С. Абхазия в этнографическом отношении.— Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1907, вып. 37, с. 15; Иоакимов А. Абхазцы Кавказ, 1874, № 47.

²³ Ган К-Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакан и Абхазию (летом 1900 г.).— Кавказский вестник. Тифлис, 1902, № 5, с. 42, 43; Джанашвили Н. С. Указ. раб., с. 88, 89; Вахания О. В. Физическая культура и спорт в Абхазии (исторический очерк). Сухуми, 1958, с. 20; Чукбар А. И. Статьи и рассказы. [Сухуми], 1975, с. 44—46; Полевые записи автора, 1978 г., л. 7, 8, 11, 12.

²⁴ Дзадзиев А. Б. Традиционные формы проведения свободного времени осетинского крестьянства в конце XIX—начале XX в.—Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979, с. 97.

²⁵ Джанашвили М. Г. Абхазия и абхазцы.—Зап. Кавказского отдела Русского географического о-ва, кн. XVI, 1894, с. 26, 27.

²⁶ Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии, л. 121.

Развлечения были важной и обязательной частью различных праздников, отмечавшихся в дореволюционной абхазской сельской общине. Некоторые из них соответствовали знаменательным датам церковного календаря. В частности, из множества православных праздников в абхазском быту закрепилось лишь три: пасха (*амшан*), усенье (*нанхва*) и рождество (*кьирса*).

Пасхальные праздники длились в общей сложности три недели, в течение которых обычаем не разрешались никакие полевые работы, за исключением посева хлопка и огородных посадок. За две недели до пасхи, в воскресенье (этот день назывался *айоба*), абхазы украшали свои дома первыми весенними цветами. С этого дня разрешались различные игры и увеселения — джигитовка, метание камней, игра в мяч, борьба, танцы. К пасхе готовились особенно тщательно, причем полагалось обязательно справиться себе какую-нибудь обновку. Описывая пасху, современники отмечали, что в этот день абхазы «едут верхами в церковь, причем по окончании службы они поздравляют друг друга...А потом стреляют из револьверов, джигитуют, танцуют и расходятся»²⁷. Следующее воскресенье после пасхи полностью посвящалось разнообразным общественным играм, среди которых главное место занимали джигитовка и конные состязания. С понедельника все принимались за полевые работы²⁸.

Игры, танцы, ряженье устраивались также на рождество и святки. Праздник усенья по традиции отмечался в узком семейном кругу. Однако и здесь прослеживались действия, придававшие этому празднику общественный характер: молодежь под вечер собиралась на какой-нибудь поляне, разводила костер и начинала веселую игру с перепрыгиванием через огонь²⁹.

В первый день великого поста абхазские девушки гадали. В этот день они ничего не ели. Каждая девушка втайне от всех должна была после захода солнца приготовить четыре маленьких хлебца из пшеничной муки или из гоми (род проса). Вечером, положив хлебцы в деревянную миску, девушки шли гадать к недавно вышедшей замуж женщине. Там они становились полукругом на колени, держа перед собой миски с хлебцами. Хозяйка также становилась на колени и, помолившись, просила о хороших женихах для девушек и о том, чтобы каждая из них увидела своего суженого во сне. Потом женщина поочередно размалывала принесенные девушками хлебцы и давала им отведать. После этого девушки расходились, унося с собой оставшиеся хлебцы, а ложась спать, клали их под подушку. Считалось, что после такого гадания девушка увидит во сне своего жениха, а на утро, разломив хлеб, найдет в нем волосы того же цвета, что и у ее суженого³⁰.

Была распространена и другая форма гадания. «Чтобы узнать своих женихов,— сообщалось в одном из номеров «Кутаисских ведомостей»,— выбирают девушку, не отличающуюся особенным здоровьем, одевают ее в белое платье и кладут на спину на землю, заставляя смотреть прямо на светлое небо. Девушка через несколько времени засыпает, а потом остальные девушки, по очереди, кладут указательный палец руки на большой палец ноги и спрашивают о своем суженом. На многие вопросы лежащая девушка отвечает очень верно, а некоторые оставляет без ответа...»³¹.

²⁷ *Басария С. П.* Указ. раб., с. 85.

²⁸ *Джанашиа Н. С.* Указ. раб., с. 33, 36, 43.

²⁹ *Нежданов О.* Празднование Нового года у туземцев Кавказа.— Кавказ, 1901, № 1; *Патейпа Н. С.* Моление Лейбовых, с. 22; Полевые записи автора, 1978 г., л. 3, 5, 9.

³⁰ *Званба С.* Очерки абхазской мифологии.— Кавказ, 1867, № 76.

³¹ *Мачавариани К.* Религиозное состояние Абхазии.— Кутаисские ведомости, 1889, № 16.

Развлечения были обязательной частью различных языческих обрядов и молений, которые занимали важное место в абхазском быту конца XIX — начала XX в. В качестве примера можно привести общественную молитву, совершавшуюся в абхазских селах во время засухи с целью вызывания дождя. В назначенный день празднично одетые мужчины собирались на берегу реки, причем каждый приносил продукты — муку, кувшин вина, пироги с сыром — для совместной трапезы, устраивавшейся после жертвоприношения и моления. За трапезой следовали развлечения (в них могли участвовать также женщины и дети) — пение, танцы, шуточное обливание друг друга водой³².

Молодежь в засушливое время года прибегала к *дзиуоу*, истоки которого восходят к древнему магическому обряду вызывания дождя. Чаще участниками *дзиуоу* были девушки. Нарядно одетые, они собирались недалеко от реки, соорудили чучело из соломы и наряжали его в женское платье. Посадив чучело на ишака, девушки везли его с веселым пением к речке. Затем чучело переносили на заранее приготовленный плот, поджигали его и пускали вниз по течению; ишака же заставляли выкупаться в той же реке. Когда шли к берегу, пели песню:

Дочь нашего князя хочет пить,
Но воды у нас мало.
Мы продадим дочь князя за воду,
Но не за мало воды, а за много³³.

В XIX в. этот веселый девичий обряд был игрой, не более. Он выступал резким контрастом общинному молению о дожде, в котором присутствовала торжественная значительность сакрального акта. К концу XIX в. изначальный смысл обряда почти стерся из народной памяти, а все действие превратилось в веселую забаву. Иногда в *дзиуоу* играли мальчишки. Они делали чучело из деревянной лопаты и соломы и наряжали его в черкеску и башлык.

Широко распространенным явлением дореволюционного абхазского быта были фамильные моления. Таково, например, моление фамилии Лейба, бывшее значительным событием в общественной жизни западной части Абхазии — Бзыбской³⁴. Ежегодно в первую среду после духова дня³⁵ эта фамилия торжественно совершала языческий обряд, посвященный божественной покровительнице их рода — Лейаарныха. Приготовления к торжеству начинались за несколько недель. В доме, назначенном для проведения ритуала, весь поселок, в том числе старики и дети, под руководством знахарки делали из глины очаг — *ахуштаара*. По окончании этой работы в саду хозяин устраивал коллективную трапезу, участники которой проводили время до ночи в танцах и пении. Через две недели в этом же доме вновь собирался весь поселок; мужчины на арбах привозили ореховую щепу и дубовую кору. В этот день впервые в священном очаге *ахуштаара* разводили огонь. Хозяин резал несколько коз и устраивал общее угощение, которое завершалось весельем, песнями и танцами.

Празднество, связанное с молением фамилии Лейба, получило широкую известность в соседних селах, жители которых были неизменными его участниками. «А сколько народу бывает на этом торжестве в

³² Джанашиа Н. С. Указ. раб., с. 65, 66; Полевые записи автора, 1978 г., л. 1—6, 8, 20, 22.

³³ Мачавариани К. Указ. раб.; Ковач К. В. 101 абхазская народная песня, с. 35; Полевые записи автора, 1978 г., л. 19—23.

³⁴ Жители поселка Мугудзырхва, входившего наряду с поселками Апцхва, Оданурхва и Чаабалурхва в общину Мугудзырхва Гудаутского участка Сухумского округа.

³⁵ Отмечался в понедельник после троицы, приходившейся на 50-й день после пасхи.

этот день! — пишет Н. С. Патеипа, общественный деятель и этнограф-краевед рубежа XIX—XX вв. — Во всех селениях Гудаутского участка хорошо известен этот день; девушки заранее умоляют своих родителей разрешить им ехать в Мугудзырхва на моление Лейбовых, а своих братьев и молодых родственников упрощают сопроводать их»³⁶.

В день моления с раннего утра на поляне собиралось множество людей. Целый день здесь танцевали под пение и хлопанье в ладоши; мужчины состязались в стрельбе из револьверов, играли в мяч, джигитовали. Устраивалась также борьба лошадей, поднимаемых на дыбы. Затем все взрослые мужчины шли в рошу, где совершались жертвоприношение и моление; к вечеру начиналась общая трапеза, после которой гости покидали веселый праздник³⁷.

Аналогичные праздники были известны и в других частях Абхазии. Так, в с. Лдзаа ежегодно в четвертое воскресенье после пасхи устраивался праздник в честь Анан Лдзаа-ных, т. е. иконы Лдзавской божьей матери. Начинался праздник в каждой семье, которая с молитвой приготавливала пищу (вареную баранину, абысту). Затем члены семьи, совершив еще одну молитву, садились за трапезу. Исполнив все необходимые ритуалы в своем доме, жители села созывались глашатаем на общинное моление. По окончании его начиналось коллективное застолье, за которым следовали веселье, песни, танцы, различные состязания, продолжавшиеся до вечера. Помимо жителей с. Лдзаа в празднестве в честь Анан Лдзаа-ных участвовало множество народа из соседних сел³⁸.

Подобные фамильные моления, включавшие элементы развлечений, были характерны и для южной части Абхазии — Самурзакани. Так, фамилия Лацуцбаиа, в 1890-х годах жившая в с. Окуми и насчитывавшая более 60 чел., совершала «молитву Кеке». В определенный день все члены фамилии приготавливали пищу (абысту, печеный хлеб из кукурузной муки — мчади), открывали кувшин вина, хранившийся специально для этого случая. Затем старейший член фамилии читал молитву, и начиналась трапеза, в которой участвовали члены фамилии и другие односельчане. После трапезы, по обычаю, каждый член фамилии Лацуцбаиа обходил вокруг своего дома с песней «Атлэи, човпа, човпа, човпа» (непереводимо). По окончании обряда все вновь собирались вместе и начинали игру в мяч³⁹.

Мы видим, что в подобного рода собраниях помимо культового момента зримо присутствовали элементы светского характера, выражавшиеся в различного рода развлечениях и увеселениях, обязательно наступавших по завершении первой, «официальной» части. Все это делало такие собрания настоящими народными праздниками, насыщенными самыми разнообразными развлечениями.

* * *

Итак, развлечения занимали значительное место в жизни дореволюционного абхазского крестьянства и выполняли весьма важные социальные функции. Являясь частью досуга, развлечения давали человеку возможность отдохнуть, полностью отключиться от будничных дел и погрузиться на время в радостную атмосферу народного празднества.

Но эта функция никогда не была единственной. Многие из распространенных нами видов развлечений (конные состязания, джигитовка, борьба, стрельба и т. д.) выполняли важную задачу физического воспитания, которому в абхазской семье всегда придавалось большое значение. Как правило, детей с 6—7 лет (преимущественно мальчиков) обучали вер-

³⁶ Патеипа Н. С. Моление Лейбовых, с. 22.

³⁷ Там же, с. 18, 19, 24.

³⁸ Чужбар А. И. Указ. раб., с. 58.

³⁹ Окумели А. Самурзаканские вести.— Квали, 1894, № 27 (на груз. яз.).

ховой езде, джигитовке, стрельбе и вообще воспитывали физическую выносливость. Необходимость такого физического воспитания вызывалась не только сложившимся в народе понятием о мужской доблести. Большую роль играл также полувойенный быт абхазов, столь характерный для них еще в первой половине XIX в., когда походы и набеги на соседей, а также отражение таковых занимали даже большее место, чем мирный повседневный труд. Во второй половине XIX в. характер жизни абхазов значительно изменился, однако военный дух воспитания сохранился, как сохранились и разнообразные развлечения, связанные с военным бытом, принявшие, однако, чисто спортивный и зрелищный характер.

Красочная обстановка народных праздников, песни, танцы, стихотворные состязания, игра на музыкальных инструментах удовлетворяли эстетические потребности крестьян, способствовали выработке народных представлений о красоте, об этике общения между людьми. Таким образом, народные развлечения помогали передаче межпоколенной социальной информации, приобщая молодежь к традициям праздничного поведения, к нормам поведения в обществе.

Совместные развлечения односельчан были ярким проявлением идеологического единства общины. Нигде, наверное, люди не чувствовали себя более спаянными членами своего коллектива, чем на общинных праздниках. Здесь все, от мала до велика, были объединены радостным мироощущением, здесь каждый испытывал свою непосредственную включенность в общее действие, в котором он участвовал наряду с другими своими односельчанами.

Сказанное характерно не только для развлечений внеобрядовой сферы, но и для тех их форм, которые сохранили связь с действиями ритуального характера. Однако в последнем случае развлечения выполняли дополнительную функцию, связанную с их ролью в религиозном обряде. Таковы, например, коллективные застолья, завершавшие, как правило, общинные моления. Они еще во многом сохраняли былой характер ритуальной трапезы. Абхазские пастухи, наблюдая за пасущимися отарами овец, играли на ачарпыне. Для них это было развлечение. Однако пастухи исполняли вполне определенную «песню кормления стада», которая не была принята в других случаях⁴⁰.

В дореволюционном абхазском быту имелись и другие песни и танцы, ритуальный характер которых сохранялся. Так, была распространена «песня оспы», которую по обычаю можно было петь только в случае заболевания оспой. Исполнение этой песни в других ситуациях считалось большим грехом. Когда молнией убивало скот, хозяин собирал односельчан для выполнения специального ритуала. На четырех столбах устанавливалась вышка, на которую с почетом укладывалось убитое животное. Ритуал сопровождался круговой пляской с песней в честь божества грома и молнии Афы, табуированной в других случаях. Весь обряд завершался длительной трапезой⁴¹. Различные обрядовые песни пели во время охоты. Например, направляясь в лес, охотники обращались к божествам охоты с особыми песнями «Дад Иуана» и «Айргъ». Эти же песни пели, стоя над убитым зверем, а также возвращаясь с охоты домой, давая знать о своем приближении⁴².

В то же время сфера «ритуальных» развлечений у абхазов, как и у других народов, непрерывно сокращалась. Отдельные ее элементы постепенно теряли свою ритуальную привязанность и, как бы расширяя рамки своего бытования, проникали во внеобрядовую сферу, становясь

⁴⁰ Ковач К. В. 101 абхазская народная песня, с. 33.

⁴¹ Званба С. Указ. раб.

⁴² Ковач К- В. 101 абхазская народная песня, с. 30; Хаиба М. М. Трудовые и обрядовые песни абхазов. Сухуми: Алашара, 1977, с. 12.

частью светских развлечений. Таковы, например, некоторые свадебные песни. Обычно они исполнялись в соответствующей ситуации, однако со временем стали популярны на еженедельных воскресных гуляниях. Трудовые песни, сопровождавшие полевые работы и некогда имевшие ритуальный характер, стали исполняться как плясовые на различных праздниках. Древнюю походную песню «ар рашва» пели в повседневном быту, когда несколько человек вместе направлялись куда-нибудь, и т. д.⁴³

Следует указать еще на один важный момент. Многие обряды, будучи органической частью ритуальной сферы, постепенно превращались в обычные развлечения, в игры, забавы. Но происходили они лишь в рамках определенного ритуала, вследствие строгой ситуационной зависимости от него. Это хорошо прослеживается на примере свадебной церемонии, где некогда сакральные действия — избивание поезжан, например, — стали лишь игрой и шуточным развлечением участников свадьбы.

В целом же можно сказать, что до революции у абхазов, как и у других народов Кавказа, развлечения во внеобрядовой сфере занимали значительно большее место, чем развлечения, сохранившие свою ритуализованную форму.

⁴³ Ковач К. В. 101 абхазская народная песня, с. 29.